

ВЕЧНЫЙ ФЕВРАЛЬ МАКСИМА КАНТОРА

Трудно быть более неактуальным художником, чем Максим Кантор, — несмотря на то, что это он представлял Россию на Венецианской биеннале-97. Его почти одновременно открывшиеся выставки в Третьяковской галерее и «Улице ОГИ» — это очень некстати: кто про что, а растиражированный и модный в Европе Кантор — опять про Россию.

Надо быть очень мужественным человеком, чтобы в широком и гучем потоке постмодернистской иронии уже не первый десяток лет плыть против течения — с гибельным актерским «всерьез», к своему собственному берегу, берегу неприглядному и неуютному, от одного взгляда на который начинает физически болеть сердце.

В состоянии болевого шока и мечешься по залам Инженерного корпуса и проникаешься канторовской философией. Собственно про отношения Кантора и экспрессионизма и прочие «художественные особенности» думается в последнюю очередь. Благо у Кантора даже техника пронизана идеей и ей подчиняется: гравюры, которые он представил в ГТГ, выполнены двумя способами — в европейском офорте (печать с металлических досок) и в восточной ксилографии (это когда лист печатается с доски деревянной). Кантор различие акцентировал цветом: Европа — это «черненький», Восток — это «красненький». Мы, то есть Россия, посередине. Мы сотканы из траурных переливов этих цветов, но не определяемся ими. Мы — иные. *Взр. Москва — 2001. — 7 нояб. — с. 8.*

Название выставки — «Пустырь. Атлас». Пустырь — это Россия, а «атлас» (в смысле, география) — единственный аршин, которым можно ее измерить, который и определяет наше безрадостное бытие (для справки: Кантор вырос в Коптево). Наша географическая данность — большой неподвижный пустырь, на котором произрастают исключительно «кривоногие» лопухи «с длинным вялым туловищем и неаккуратно пришитыми конечностями», которые умеют исключительно пить и воровать. Герои полотен Кантора — двуликие,

**Максим Кантор.
«Бегония и красные псы»**

узловатые, корявые, уродливые, обугленные, сотканные из растворяющихся теней, утопающие в снегу (потому что на Пустыре — вечный февраль). «Лаокоон» и его сыновья, раздавленные суровыми объятиями Пустыря, — свои в доску персонажи. Словом, страшноватая картина. И хочется отвернуться во гнев: гнусные спекуляции на больных темах! однобокая публицистика! чернуха и пессимизм! И вообще: хорошо печатать в Лондоне качественные картинки и обсмеивать «корявую тетку родину» на потребу победившей западной цивилизации. Однако Кантор — не западник. Говорит, что сам он из России никогда не эмигрировал («не дезертировал»). И смотрит на мир глазами героя одного из своих полотен — грустного и неприкаянного барбоса, который никак не может найти покой и пристанище.

Подготовила Дарья АКИМОВА